

Для меня он был словно посланник небес. Я навсегда запомнила тот дождливый день. Я по неосторожности потеряла талоны на мясо, которые дала мне мать. В то время они были невероятной ценностью. Мать была на сносях, и, чтобы хоть немного подкормить младшего брата, она отправила меня в лавку, наказав взять с собой маленькую сестрёнку Сяо Лю. Но я потеряла талоны. Это был конец.

Я сидела под навесом рядом с мясной лавкой, прижав к себе Сяо Лю, и плакала. Сестрёнка тоже плакала — наверное, была голодна. В тот день ей даже не досталось материнского молока: мама говорила, что у неё самой почти ничего не осталось, и нужно беречь силы для рождения сына. Сестрёнка рыдала, а я не смела вернуться домой. Я даже не понимала, что течёт по моему лицу: дождевая вода или слёзы.

Именно тогда я встретила его. Он совсем не был похож на жителей деревни Роз. Его одежда была такой чистой, такой красивой — наверное, именно так выглядели маленькие принцы из передач по радио. Я и сама не знала, как выглядят принцы. Я никогда его прежде не видела, хотя знала всех в деревне. Значит, он точно был не отсюда.

— Почему ты плачешь? Проголодалась? — он протянул ко мне руку, пытаясь помочь подняться. Но я не осмелилась прикоснуться к нему: мои руки были перепачканы грязью, в которой я ползала, разыскивая талоны. Я была такой грязной.

Я лишь мотала головой. Мне хотелось, чтобы он отошёл подальше. От меня пахло неприятно — все так говорили. Я была вонючим ребёнком, которого никто не любит. А теперь я была не только вонючей, но и грязной.

Он долго стоял передо мной. Кажется, целую вечность. А потом вдруг взял и сел прямо в грязь. Он начал елозить руками по земле, пачкая их, а затем улыбнулся мне:

— Вот видишь, теперь я такой же, как ты.

Я смотрела на его лицо, которое омывали струи дождя. Он стал таким же, как я. Мои глаза широко раскрылись: он сидел, а я, кажется, поднялась на ноги.

— О, так ты потеряла талоны? Тогда я одолжу тебе свои. Вернёшь, когда у тебя появятся свои.

— Он отдал мне талоны. Разве он не боялся, что его побьют? Почему он... такой смелый?

— Спасибо... Я... я обязательно верну, — только и смогла сказать я. Хотя не знала, смогу ли когда-нибудь отдать долг, но решила, что буду стараться изо всех сил. Сейчас эти талоны были мне жизненно необходимы.

Он ухватил меня за щёки и придвинулся ближе. Я от испуга вытаращила глаза.

— Оказывается, ты не немая! — он насмешливо улыбнулся.

Я... возненавидела его.

— Рассказ звучит прямо как какой-то любовный роман, — Лу Фэнсюй перестал писать и нахмурился, размышляя о правдивости истории.

Ли Вэнь улыбнулась:

— Да, наша первая встреча с ним была точь-в-точь как в любовном романе. Иногда я сама не могу в это поверить.

Она посмотрела на дверь допросной. Снаружи доносился низкий мужской голос. Казалось, он был чем-то взволнован и о чём-то спорил с дежурным полицейским.

— Он... теперь мой муж, — в глазах Ли Вэнь светилась нежность и бесконечная любовь.

— Но Лю Яо утверждает, что тогда ты не уезжала, — произнёс Шэнь Цюм□□.

Ли Вэнь моргнула, посмотрела на Лу Фэнсюя и Шэнь Цюмина и с сомнением спросила:

— А? Вы уже встречались с ними? Я думала...

Она замолчала на полуслове и лишь слабо улыбнулась:

— Нет, ничего. Давайте продолжим, офицер.

Ли Вэнь продолжила свой рассказ.

Позже я купила на те талоны мясо и принесла домой. Похоже, он дал мне больше талонов, чем было у матери. Я принесла домой много еды, и мать в кои-то веки похвалила меня. Она была так довольна, что даже покормила Сяо Лю.

Мы договорились встретиться на том же месте у мясной лавки завтра после обеда. Поэтому я старалась делать всю работу быстрее, чтобы завтра у меня было время.

Так мы тайно встречались долгое время, наверное, несколько недель. Я уже не помню точно, помню лишь, что живот у мамы становился всё больше, работы становилось всё больше, а времени на встречи оставалось всё меньше.

Зато я узнала его имя — Чэнь Шу. Я даже научилась его писать, он сам меня научил. Я рассказала ему свою историю, и он, кажется, очень рассердился. Я не понимала, почему он злится, но он лишь сказал:

— Я не злюсь. Мне просто очень грустно... мне так жаль тебя. — Его лицо выражало такую

скорбь, будто он сейчас заплачет. Я подошла и обняла его — этому он тоже научил меня. Сказал, что, когда грустно, нужно просто обняться, объятия помогают пережить печаль.

Вскоре мать заметила мои странные отлучки, а потом увидела и его. Она избила меня, кричала, что я дешёвка, увлекающая мужчин, что я ещё такая маленькая, а уже ничему хорошему не учусь, только и знаю, что по мужикам бегать. Она обзывала Чэнь Шу мелким ублюдком, городским выскочкой, который презирает нас, деревенских, и хочет обманом увести меня.

Мне было так больно... тело горело, но на душе было ещё больнее. Мне хотелось возразить ей. Чэнь Шу не такой! С чего она вообще взяла? С чего! Я выбежала вон — это был первый раз, когда я послушалась мать. Я побежала туда, где Чэнь Шу обещал ждать меня, где я могла его найти. Я должна была его увидеть.

Увидев раны на моём теле, Чэнь Шу заплакал. Он рыдал так горько и просил меня уйти вместе с ним. Он обещал, что увезёт меня, что поговорит со своими родителями — они у него хорошие и обязательно помогут мне.

Уйти? Я никогда раньше не задумывалась об этом. Вторая сестра учила меня только бежать, но не учила, как уйти навсегда. Но если я уйду, что будет с матерью? Она вот-вот должна была родить, да и младшие сёстры... Я покачала головой, отказываясь. Сказала, что мать никогда не согласится.

— Украдкой, мы уйдём тайком, не говори им ни слова. Я заберу тебя, и мы никогда не вернёмся, — он крепко обнял меня. Мне казалось, я слышу стук его сердца, а может, и своего собственного. Я замерла, не в силах пошевелиться, и тихо кивнула.

Он попросил прийти к мясной лавке завтра после обеда, сказал, что будет ждать там, и мы уедем вместе. Я вернулась домой. Мать подошла ко мне и тихо обняла. Она говорила, что не хотела этого, что просто очень разозлилась, что любит меня. Сказала, что если я буду послушной, то, когда родится братик, на мой следующий день рождения она купит мне маленький тортик.

Тортик? Это тот, который такой сладкий, с цветочками и флажками? Я видела, как ела дочка старосты. Он так сладко пах и выглядел таким красивым. Она говорила, что это называется торт.

Но я уже договорилась с Чэнь Шу. Я... я уйду. Я ничего не ответила матери, выскользнула из её объятий и молча пошла работать. А ночью тайком встала и собрала свои вещи. Завтра утром нужно уйти пораньше... украдкой...

Но когда на следующее утро я тихо встала и попыталась открыть дверь, чтобы уйти, оказалось, что она заперта.

За спиной раздался голос матери. Она спросила, куда это я собралась.

Меня поймали. Что делать? Чэнь Шу?

Она заперла меня, не давала ни еды, ни воды. Я отчаянно кричала, моля о помощи, хотела выбраться. Начала умолять мать, обещала, что никуда не пойду, только просила позволить мне встретиться с Чэнь Шу. Мне нужно было объясниться с ним — он ведь ждал меня, чтобы уехать. Я хотела увидеть его в последний раз.

В ответ мать наложила на дверь ещё большие цепи, а потом заколотила и единственное маленькое оконце.

Стемнело. Я перестала понимать, сколько прошло времени.

Чэнь Шу... Чэнь Шу, спаси меня... помогите... умоляю вас...

<http://bllate.org/book/22369/2345882>